

0- 791054

На правах рукописи

Коротков Николай Владимирович

ОНТОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ФАНТАСТИКИ

09.00.01 Онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Киров – 2011

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» на кафедре философии и социологии

Научный руководитель	доктор философских наук, профессор Юлов Владимир Федорович
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Дорожкин Александр Михайлович кандидат философских наук, доцент Попов Юрий Петрович
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО Нижегородский государственный педагогический университет

Защита состоится 22 декабря 2011 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук, кандидата культурологии при ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. иров, ул. К. Либкнехта, д. 89.

Объявление и текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ [http://referat_vak@mon.gov.ru](http://referat_vak.mon.gov.ru) и официальном сайте ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» <http://vggu.ru>

Автореферат разослан «22» ноября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000664102

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования определяется интенсификацией в современной философии тенденции к взаимопроникновению онтологической, гносеологической и социально-философской проблематики. Даже в современной космологии человек заявлен в качестве фундаментального основания, и в этом состоит суть антропного принципа. В несколько другом ракурсе эту же мысль проводит А. А. Гусейнов: «Бытие не объектно, не есть то, что существует само по себе, оно субъектно, человечно, есть то, что создается человеком. Понять бытие – значит понять человеческое начало в человеке»¹. Безусловно и очевидно то, что человек является основным субъектом различных видов творчества, созидание нового пронизывает науку, социальную практику и основные формы мировоззрения, где особо можно выделить искусство. Хотя тематика современного искусства весьма разнообразна, в ней начинают превалировать процессы творчества, связанные с наукой и технической практикой. Для новой эпистемологии очень важно осмыслить то, как протекают творческие процессы на стыке разных типов познания и практической деятельности. Если традиционное понимание сводит фантастику к жанру искусства, то современные тенденции дают основание представить ее как сложный феномен, в котором интегрируются элементы искусства, философии, науки и особых видов социальной практики. Этим обусловлена необходимость онтологического и эпистемологического анализа фантастики в качестве субкультуры, которая выступает прообразом новой интегральной культуры. Своеобразным предвосхищением этого союза может служить философия русского космизма, в частности, Философия общего дела Н. Ф. Федорова. Необходима разноаспектная рефлексия корреляций между фудеровским Проектом и фантастикой.

Один из сущностных принципов фантастики – проектное упреждение социальной практики. Фантастика выступает в качестве особого феномена культуры, позволяющего моделировать био-, идео-, семио- и техносферы («вторичные миры»), по ряду параметров альтернативные данным, а также тестировать их на взаимную совместимость. Причем, отдельные разработки инсталлируются непосредственно в «первичный мир». В этой связи можно утверждать, что именно в фантастике находит свое предельное выражение продуктивное воображение в своем собственном смысле, то есть как способность исходно произвести (exhibere: «про-из-вести» – вывести наружу), обличить, воплотить существующий предмет. Характерно, что многие «непарадигмальные» эпистемологические проблемы были впервые поставлены именно в художественной фантастике, в частности, проблема взаимодействия человека и сложных техносистем. Изучение открытых саморазвивающихся (человекоразмерных) систем и их взаимодействия друг с другом подразумевает

¹ Гусейнов, А. А. Философия: между знаниями и ценностями. URL: <http://guseynov.ru/publ/phil1.html>. Дата обращения: 17.11.2011.

выявление связей между внутринаучными и общесоциальными ценностями, что в эпистемологии, даже неклассической, тормозилось установкой на свободу науки от ценностей, в то время как научная фантастика олицетворяла собой принцип доверия субъекту: если традиционной установкой научного познания является «презумпция естественности», объяснение исследуемых явлений через выявление их природной обусловленности, то научная фантастика исходит из «презумпции искусственности» (П. Р. Амнуэль).

Степень разработанности проблемы. Философская рефлексия фантастики предполагает исследование тех человеческих способностей, которые ее продуцируют. На первом месте здесь стоит способность воображения. Принципиальное значение в осмыслении его сути и различных форм действия имеют работы Аристотеля, Ю. М. Бородая, А. В. Брушлинского, В. Вундта, Б. П. Вышеславцева, Я. Э. Голосовкера, Э. Гуссерля, Р. Декарта, Э. В. Ильенкова, И. Канта, Г. Райла, С. Л. Рубинштейна, Ж.-П. Сартра, И. П. Фарман, З. Фрейда, К. Г. Юнга и др.

Если в традиционной философии воображение связывали только с формами литературы и искусства, то на современном этапе воображение правомерно соотносить с интегрированными формами деятельности, где искусство выступает лишь одной из сторон. Поворот в понимании взаимосвязи фантастики и воображения протекал не одномоментно. С 1960-х гг. художественная фантастика становится предметом исследования филологических наук (из диссертаций последнего времени можно назвать работы Н. В. Маркиной, М. Ф. Мисник, А. М. Приходько, К. А. Соболевой и др.); в те же годы в литературоведении возникает особое направление – фантастоведение: Е. П. Брандис, А. Ф. Бритиков, Вл. Гаков, Е. Н. Ковтун, А. Н. Осипов, А. П. Славов. Фантастика как социокультурный феномен (в разнообразных своих проявлениях – от искусства до молодежных субкультур типа толкиенистов) исследуется культурологией (О. В. Аронсон, Е. Л. Трушнякава). Особый интерес представляют аналитические статьи и монографии о художественной фантастике, написанные фантастами, в частности, Дж. Р. Р. Толкином, Г. С. Альтовым (Альтшуллером), П. Р. Амнуэлем, И. А. Ефремовым, В. М. Рыбаковым, К. А. Крыловым, а также С. Лемом, многие работы которого, имеющие принципиальное значение в контексте рассматриваемой темы, переведены на русский язык только в самые последние годы. Также необходимо отметить посвященные фантастике специализированные журналы, прежде всего «Мир фантастики», публикации которого отличает профессиональный и всесторонний подход к теме.

В последнее десятилетие фантастика становится объектом собственно философского анализа (А. И. Екадумов, А. В. Кураев, А. Б. Ройфе, А. Н. Фетисова); издаются сборники философских эссе, посвященные отдельным произведениям литературной и кинематографической фантастики (например, «Матрица как философия» и «Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в Матрице», составленные из статей американских и европейских философов и ученых); из интернет-ресурсов можно отметить соз-

данный преподавателями философского факультета МГУ В. Ю. Кузнецовым, Д. Ю. Кралечкиным и др. сайт Sepsiga.ru, одна из рубрик которого специально посвящена исследованиям по «философии фантастики». В некоторых культурологических и филологических исследованиях о художественной фантастике в разное время также делались попытки ее философского осмысления (К. Г. Фрумкин, С. Л. Кошелев). В 2006 году в Московском государственном университете им. Ломоносова была проведена первая Всероссийская научная конференция «Русская фантастика на перекрестье эпох и культур», по материалам которой вышел сборник статей. Одним из официально заявленных направлений организованного РАН в июне 2010 года «Футурологического конгресса» было: «Научная фантастика как метод предвидения». Вместе с тем, при достаточной изученности фантастики как литературного жанра и даже как самостоятельной художественной системы, объединяющей все литературные жанры, можно признать дефицит работ, предметно рассматривающих онтологическое и гносеологическое содержание фантастики, анализирующих последнюю как специфическую форму познания, а также сводных исследований значения фантастики как интегрального культурного феномена и его роли в воспроизводстве современной культуры именно в качестве современной (то есть находящейся в неустойчивом равновесии, динамичной – в отличие от традиционных, «статичных» культур (В. М. Межуев)).

Если воображение является главной способностью, ответственной за созидание форм фантастики, то естественно провести рефлексию воображения в контексте сознания и ряда типов познания. Проблемы сознания, субъекта познания и взаимосвязи различных форм познания разрабатывали Р. А. Волосков, Э. Гуссерль, А. А. Гусейнов, В. В. Калинин, И. Кант, Т. Кун, Ю. М. Лотман, М. К. Мамардашвили, Л. А. Микешина, В. В. Мионов, В. М. Найдыш, Ж.-П. Сартр, В. А. Подорога, К. Поппер, В. П. Порус, А. М. Пятигорский, Я. А. Слинин, А. Ш. Тхостов, М. Хайдеггер, П. Фейерабенд, Е. Л. Фейнберг, В. П. Филатов, М. Н. Эпштейн, В. Ф. Юлов и др.

Ядром фантастики является конструирование проектов, где особую специфику имеет техническая деятельность. Проблематику философии техники и промышленной антропологии (диалектики человека и создаваемой им «искусственной природы») развивали Дж. Аллен, Г. С. Альтшуллер, Н. А. Бердяев, М. Дери, Э. Дрэкслер, Ю. В. Крупнов, Р. Курцвейл, В. А. Кутырев, М. Минский, Г. Моравек, М. Нельсон, Н. Н. Моисеев, Н. С. Трубецкой, М. Хайдеггер, С. С. Хоружий, О. Шпенглер и др. Особый вклад в разработку данной проблематики внесли философы русского космизма: В. И. Вернадский, И. А. Ефремов, П. Г. Кузнецов, Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский и др. Осмыслению философского наследия русских космистов посвящены работы И. В. Артюхова, И. В. Вишева, А. К. Горского, Н. М. Ефимовой, Н. В. Устрялова, Н. И. Моисеева, В. А. Никитина, С. Г. Семеновой, Ю. И. Пичугина и мн. др. Однако, несмотря на фрагментарные исследования (например, статья С. Некрасова «Космизм Н. Ф. Федорова и творчество

Стругацких») до сих пор существует серьезный пробел в целостном анализе связей между Философией общего дела и фантастикой как самостоятельным феноменом современной культуры, нередуцируемым к другим формам сознания и деятельности.

Что касается социального конструирования (в частности, утопического), то оно было предметом исследований Ф. Аинсы, Э. Я. Баталова, Н. А. Бердяева, Р. А. Волоскова, А. А. Гусейнова, А. И. Лучанкина, Н. Н. Моисеева, В. В. Нордберга, А. М. Столярова, Л. Г. Фишмана, В. Штепы, М. Н. Эпштейна, и др.

Объектом исследования является фантастика как форма реализации продуктивного воображения.

Предметом исследования выступают онтологические и гносеологические основания фантастики.

Цель исследования состоит в раскрытии онтологического статуса и эпистемологического значения фантастики как формы проективно-конструктивного мышления.

Достижение данной цели связано с решением следующих задач:

1. Раскрыть онтологические и эпистемологические аспекты продуктивного воображения;
2. Провести гносеологический анализ художественной фантастики;
3. Репрезентировать фантастику в качестве формы социальной практики;
4. Рассмотреть онтологию и эпистемологию фантастики в контексте космистской философии.

Методологическая и теоретическая база исследования:

- принцип дополнительности научных, философских и праксеологических форм рациональности;
- принципы и приемы герменевтики, включая контент- и дискурс-анализ как ее прикладные, инструментальные аспекты;
- общая и специальная компаративистика;
- принцип единства исторического и логического;
- онтологическая установка М. Хайдеггера, согласно которой фундаментальная онтология, исходная по отношению ко всем другим, выводится из экзистенциальной аналитики присутствия;
- идейный аппарат русской экзистенциальной философии, в частности, органицизма (Н. Я. Данилевский, Н. С. Трубецкой) и диалогизма (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман), а также близкие им мировоззренческие установки философии жизни;
- в диссертационном исследовании фантастические сюжеты и образность используются не только в качестве объекта изучения, но и как средство осмысления объекта, методологический прием; прецедент подобного подхода к проблеме создал еще Г. С. Альтшуллер («Этюды о фантазии»).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Рассмотрены онтологические и эпистемологические аспекты продуктивного воображения в контексте принципа доверия субъекту познания.

2. Дан эпистемологический анализ фантастики как художественно-философской системы.

3. Проведена гносеологическая рефлексия фантастики как формы интеграции искусства и технонауки.

4. Раскрыто значение фантастики в качестве существенного фактора техносциогенеза.

5. Идеи Философии общего дела Н. Ф. Федорова рассмотрены в контексте современных тенденций развития технонауки.

6. Проведен анализ фантастики во взаимосвязи с концепцией Н. Ф. Федорова о трансформации «птоломеевского» искусства в «коперниканское».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Воображение является бытийственной характеристикой сознания и в этом качестве оно определяет все виды человеческого творчества, включая типы познания и социальную практику. Есть определенные основания признать космическую размерность воображения и сознания.

2. Фантастику правомерно рассматривать в качестве особого художественно-философского явления культуры, интегрирующего в себе научную и ненаучные формы рациональности; начало становления такого единства совпадает с возникновением во второй половине XIX века научной фантастики (НФ).

3. Фантастика одновременно выступает и средством созидания новой социальной реальности, и основным способом ее осмысления, новейшей формой социальной онтологии, в предмет которой все шире входит проблематика онтологии вообще (учитывая, в частности, процесс замещения природного бытия «второй природой», умной техникой, в которой опредмечена сложная архитектура современных социальных отношений).

4. Проект Н. Ф. Федорова предполагает взаимодополнительность научной и ненаучных форм знания, а не подавление наукой иных форм рациональности или нивелирование научных ценностей в целях решения мировоззренческих проблем. Несостоятельны как обвинения Н. Ф. Федорова в «безбожном» техницизме, так и, напротив, недооценка его вклада в философию и методологию науки.

5. Подлинную онтологическую и эпистемологическую перспективу фантастики открывает Проект общего дела Н. Ф. Федорова, в частности, его учение о замене «птоломеевского искусства мертвых подобию» «коперниканским искусством», непосредственно преобразующим социоприродную реальность за счет своего союза с наукой. Вместе с тем, взвешенный анализ и оценка федоровских идей невозможны вне их осмысления в контексте творческого наследия писателей-фантастов и эволюции фантастики как культурного феномена, выходящего за рамки только литературы.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования имеют теоретическое и методологическое значение для развития онтологии и теории познания, философии и методологии науки, социальной философии, а также могут быть использова-

ны при разработке следующих лекционных курсов и элективов: «Онтология и теория познания», «Философия и методология науки», «История философии», «Социальная философия», «Социальная онтология», «Философия литературы», «Философия русского космизма». Материал диссертационного исследования может быть использован в качестве самостоятельного спецкурса.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. В соответствии с формулой специальности 09.00.01 – «Онтология и теория познания», включающей исследования и разработки в области развития онтологии и теории познания, представленная диссертационная работа является теоретическим исследованием онтологии и эпистемологии фантастики.

Полученные научные результаты соответствуют пункту 1 «Закономерности формирования и развития научной онтологии и теории познания на основе концептуальной интеграции достижений фундаментальных наук в построение научной картины мира, а также в критический анализ религиозно-идеалистической, метафизической и натурфилософской онтологии и гносеологии», пункту 2 «Методологические функции научной онтологии и теории познания в развитии современной науки и техники, в процессах творчества в различных сферах деятельности», пункту 3 «Изменение соотношения онтологии, гносеологии и методологии познания с прогрессом научно-философского миропонимания и разработкой философско-методологических и социальных оснований современной науки и техники», пункту 4 «Структура бытия, реальности, существования и его онтологические критерии; соотношение объективной, субъективной и виртуальной реальности», пункту 16 «Перспективы развития техногенной и информационной цивилизации в поисках решений обостряющихся глобальных проблем человечества».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации и полученные результаты изложены в восьми публикациях, в том числе в сборнике материалов V Российского философского конгресса (Новосибирск, 2009) и Вестнике Вятского государственного гуманитарного университета, входящем в перечень изданий, рекомендованных ВАК, докладывались и обсуждались на межвузовской студенческой научно-теоретической конференции «Гуманитарные проблемы современного информационного общества» (Киров, 2006), межрегиональной конференции студентов и аспирантов «Философия – Культура – Общество: аспекты взаимодействия» (Киров, 2010); всероссийских научных конференциях: «Русская литература и философия: постижение человека» (Липецк, 2009), «Философские вопросы естественных, технических и гуманитарных наук» (Магнитогорск, 2010), всероссийской научной конференции с международным участием «Место гуманитарной экологии в системе комплексного изучения человека» (Киров, 2011), всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна» (Киров, 2009), международной научно-теоретической конференции «Ценности современной науки и образования» (Киров, 2008), а также обсуждались на кафедре философии и социологии ВятГГУ и на заседаниях мето-

дологического семинара аспирантов и преподавателей (руководитель – доктор философских наук, профессор В. Ф. Юлов).

Материалы диссертационного исследования использованы при подготовке и проведении следующих спецкурсов: «Философские идеи М. К. Мармашвили» (прочитан в 2008 уч. г. для студентов специальности «Философия. Преподаватель философии» ВятГУ), «Современные концепции философской антропологии» (прочитан в 2009–2010 уч. г. для студентов Лечебного факультета КГМА).

Диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета (Киров, 2011) и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка из 260 наименований. Объем диссертации составляет 153 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируются состояние и степень ее разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуются его методологические и теоретические основания, раскрывается научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава **«Феномен фантастики: онтологические и гносеологические основания»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Онтологические и эпистемологические аспекты продуктивного воображения»** рассмотрена сущность продуктивного воображения (фантазии), представлены ее онтологические основания и гносеологическая роль.

Ядром всей современной гносеологической проблематики, в том числе, связанной с эпистемологическим статусом воображения, является «принцип доверия субъекту познания». В более точной формулировке он утверждает доверие человеку как субъекту познания. Согласно данному принципу, «чистый разум», логический интеллект выступает хоть и необходимым, но недостаточным условием познания. Субъектом познания является именно человек как уникальная психосоматическая целостность, не сводимая к совокупности своих свойств, единство телесного, в частности, психоэмоционального, социального и трансцендентального. Причем, человек в данном контексте не отождествляется со своим внешним анатомическим обликом, вообще – с конкретным биологическим видом. В этом же значении разные философские традиции используют понятие «личность». Так, У. Джемс выделяет в личности духовный, социальный и физический аспекты (причем, последний не сводится к индивидуальной телесности, включая в себя также культуру, к которой

принадлежит данная личность). В русской религиозной философии личность определяется как «телесно-духовное существо, определенное, неповторимо-своеобразное и многовидное» (Л. П. Карсавин, С. Л. Франк).

В современной отечественной эпистемологии существует точка зрения, согласно которой принципом доверия субъекту познания фундирован уже классический рационализм и трансцендентализм («наукоцентристская» философия в ее противоположности экзистенциальной философии, то есть художественно-философской мысли). Под субъектом познания здесь понимается трансцендентальная субъективность, и это, на наш взгляд, означает, что вопрос о доверии субъекту познания подменяется в данном случае вопросом о доверии логико-силлогистическому мышлению, тогда как его суть сводится к недоверию автономному интеллекту, притязающему на «свободу от ценностей». Если в качестве единственного истинного субъекта познания признается трансцендентальная субъективность, то все остальные характеристики человека (телесность, память, эмоции, особенности индивидуального опыта и, главным образом, воображение) не играют определяющей роли в процессе познания, более того, они обуславливают всевозможные его аберрации, искажения, а, значит, должны быть элиминированы. Если же последнее не представляется возможным, то данные характеристики входят в сущностное определение субъекта познания, являются его атрибутами, а не модусами (произвольными, случайными свойствами).

В то время как в трансцендентализме признается, по сути, один абстрактно-анонимный субъект познания, а конкретные личности выступают не более чем его многочисленными «зондами» (А. Ш. Тхостов), то трактовка в качестве субъекта познания человека означает множественность несводимых друг к другу познающих субъектов, значение каждого из которых уникально и неповторимо. Кроме того, это означает историческую изменчивость субъекта познания: познание бытия сопряжено с самопознанием, но не в смысле наивной антропоморфизации, уподобляющей бытие наличному человеку, или феноменологической антропоморфизации, когда аналогичность всех «трансцендентальных эго» выводится из аналогичности всех эмпирических субъектов. В процессе познания происходит сущностная трансформация человека (сущность которого не предшествует существованию), развитие у него новых «органов мышления» (М. К. Мамардашвили) путем создания соответствующих культурных форм. Познание здесь совпадает с переводом трансцендентного в имманентное, т. е. с трансцендированием, которое осуществляется посредством воображения. Субъектом познания, таким образом, выступает не просто человек, но всегда – *возможный человек*, то есть, прежде всего, не тождественный своей видовой норме и физическому облику. *Частью* так понимаемого субъекта познания является культура как, с одной стороны, пространство свободы по отношению к миру природной необходимости и, с другой стороны, соответствующие материальные предпосылки («материальная культура», «вторая природа»). Притом, что культурные формы являются условием раскрытия тех или иных возможностей человека,

творчество новых форм размещается в акультурном зоре. Отсюда становится понятным смысл сформулированного Б. П. Вышеславцевым «закона творчества во всей его ширине», согласно которому творчество всегда происходит из фантастического образа, из *невозможного*. Невозможным (фантастическим) является всё то, для чего нет готовых культурных форм; например, в науке это – «непарадигмальные проблемы» (А. С. Майданов). В этом же смысле С. Жижек определяет политику как «искусство невозможного», то есть выбор не из разных возможностей внутри некой системы координат, а выбор самой системы координат.

Сознание представляет собой выстраивание внутренней культуры в самом человеке: то, что приходит извне, в качестве образов отражения, перерабатывается сознанием как «гноогенной машиной» (М. К. Мамардашвили) в различные когнитивные единицы. Основой такого преобразования выступает воображение, суть которого заключается в том, что оно способно с разными степенями свободы оперировать наличными образами и в последующем вносить изменения в собственные же продукты. Начало исторического становления воображения представлено этапом создания архаичных мифов. Образ души был отражением реального становящегося человеческого сознания. Но воображение сумело внести радикальные преобразования в этот образ. Экстраполируя образ души на природную реальность, воображение сконструировало мифему духов. Затем посредством воображения духи трансформировались в богов. С возникновением философии воображение освоило высшие формы трансцендирования, которые фундируют основные варианты метафизики.

Во втором параграфе «**Эпистемология фантастики как художественно-философского феномена культуры**» проводится гносеологический анализ художественной фантастики.

Наука является самым поздним типом познания после мировоззрения и практики. В ее конституировании воображению принадлежит решающая роль: само обоснование мышления в качестве инварианта личности, предва- рившее и обусловившее становление науки в качестве особой формы рациональности (претендующей на единственно достоверное познание), осуществлялось Р. Декартом посредством «свободного варьирования в фантазии». По мере становления и развития науки воображение было существенно дополнено научными нормами, включая правила логики. Сциентистская попытка изживания фантазии и фантастического из познания как такового – вследствие экспансии научных ценностей в сферу практики и мировоззрения – поначалу казалась угрозой существованию самой науки, но эта угроза не оказала особого влияния на науку, ибо сам ход ее развития выявил неустранимость воображения из ее основ. С точки зрения современного естествознания дальнейший прогресс в изучении Вселенной невозможен вне изучения сознания (А. Д. Линде, М. Б. Менский), последнее же, в известном смысле, тождественно продуктивному воображению, ибо именно в нем осуществляется свобода сознания (Ж.-П. Сартр). Из этого следует, что миф, религия, мораль и др. являются, наряду с наукой, разными *формами рациональности*.

Большую роль в растождествлении истинного знания с научным (в другой трактовке: рациональности – с научностью) сыграл постпозитивизм в лице П. Фейерабенда и К. Поппера. С одной стороны, ими обосновывалась историчность, изменчивость самой научной рациональности, и как следствие, правомерность привлечения мифологических, религиозных и т.п. догадок для разрешения научных проблем. С другой стороны, тем самым признавалась принципиальная несводимость к науке иных форм освоения мира и, по сути, эпистемологическая непродуктивность таких попыток. Отсюда правомерно сделать вывод о том, что, например, ценность мифа для науки (или даже – научная ценность мифа) определяется именно степенью его мифичности (а не его потенциальной онаучиваемостью), научная ценность фантастики – степенью ее фантастичности. Среди множества примеров опережения научных открытий творческим воображением можно указать предвосхищение идеи расширяющейся Вселенной поэтом У. Уитменом, спиральной формы галактик художником В. Ван Гогом, одновременного существования кроманьонцев и неандертальцев писателем-фантастом Ж. А. Рони-старшим и т.п. Напротив, дефицит фантастического в фантастике, возможность свести ее целиком к научной рациональности, т.е. – учитывая изменчивость последней – к современной, исторически и культурно обусловленной форме этой рациональности, обнуляет познавательную ценность такой фантастики, ибо она уже не дополняет научное познание, а повторяет, дублирует его.

Вместе с тем, в результате трансформации технаук природы в целом и – в ближайшем будущем – человеческой природы, залогом продуктивного развития мировоззренческих форм познания, как наиболее адекватной для фантастического творчества среды, является союз фантазии с достижениями научной мысли по принципу дополнительности, обеспечить который может именно фантастика. Причем, необходимо различать фантастику как иносказание о наличном мире и фантастику как моделирование реальностей, альтернативных наличной: в первом случае осуществляется внутрипарадигмальное моделирование («фантастика как художественный прием»: в сатире, аллегорической притче, символистском романе, а также метафора и другие формы подчиненного, «служебного» использования воображения в науке). Во втором случае происходит трансцендирование, ничтожение «фактичности», фантастика выступает как «аномальный вторичный мир». Такая фантастика может быть рассмотрена в качестве специфической художественно-философской системы типа романтизма или экзистенциализма, но изначально отличающейся от них принципиальной установкой на диалог между научной и ненаучными формами рациональности. Данный тезис противоречит популярному в фантастоведении противопоставлению научно-технической и социально-философской фантастики. Между тем, неверно рассматривать художественную форму научной фантастики лишь как расширение собственно научной рациональности. Непарадигмальные проблемы (а именно они являются предметом НФ) требуют для своего решения соответствующей – непарадигмальной – методологии, которая, прежде все-

го, может быть эксплицирована из сферы мировоззрения, ненаучного знания. В силу этого, художественная фантастика, говоря языком трансцендентальной философии, позволяет схватывать не только феномены бытия, но и бытие феноменов, то есть те вещи, которые не могут быть концептуализированы средствами «нормальной науки», отсекающей все «сущности сверх необходимого». В воображении совершается прорыв в ноуменальную область, для фиксации которой еще нет соответствующих понятий в языке науки и ориентирующейся на научность философии. Причем, фантастическая образность позволяет «проявить» (вывести из потаенности в просвет бытия) те или иные ноумены не ценой их научной редукции («расколдовывания»), а посредством сохранения их несоразмерности с феноменальной, описанной на научном и обыденном языках, реальностью.

В третьем параграфе **«Фантастическое моделирование как форма социального конструирования»** раскрывается роль фантастики в современном техносociогенезе.

Техносфера («цивилизация») является, в известном смысле, следствием философского и научного рационализма: именно с точки зрения единства трансцендентальной субъективности цивилизация в качестве того, что объединяет человечество (в противоположность культуре, которая всегда конкретно-национальна), получала моральную и эпистемологическую легитимацию. Не случайно именно экзистенциальной философии, фундированной идеей «живознания» (в ее разнообразных версиях – от «интуитивизма» Н. О. Лосского и С. Л. Франка до «диалогизма» М. Бубера и М. М. Бахтина) принадлежит приоритет в осмыслении таких последствий машинизации социального бытия, как «массовая культура», «экзистенциальный вакуум» (в отечественной художественно-философской традиции – «пошлость»), культурная унификация и т. п.

Говоря о «наступающей эре планетарной техники» (точнее – «технонауки»), интегрирующей человечество в единый организм, М. Хайдеггер указывал на необходимость осмысления существа современной техники («по-става») в альтернативной сфере – искусстве; в противном случае произойдет вытеснение по-ставом всех остальных способов «раскрытия потаенности», что приведет к «расчеловечиванию» человека, гибели его в качестве субъекта познания (ибо «наука не мыслит»). Именно эту функцию осуществляет фантастика, одновременно выступая и фактором развития техносociосферы, и формой ее комплексного изучения (научно-философского, мировоззренческого и пр.).

Между тем, без современной технонауки искусство «в широком смысле древнегреческого «технэ»» (В. С. Соловьев) не может осуществиться. Здесь показателен пример кинематографа: трансформация его из формы дублирования сценического искусства (чем, по сути, являлись первые игровые фильмы) или средства документальной фиксации реальности в способ ее творческого снятия произошло посредством изобретения *монтажа, который, строго говоря, является техническим коррелятом, аналогом продуктивного воображения, фантазии.*

Можно утверждать, что переход «фабрик мысли» (Think Tanks), являющихся одним из ключевых механизмов «направленной эволюции» общества, к «нормативному прогнозированию», формой которого, по сути, является научная фантастика, в известной мере был форсирован прогностическими успехами последней. Вообще, методологический инструментарий прогностики как самостоятельной науки значительной своей частью был разработан именно в научной фантастике. В то же время последняя выступила формой мировоззренческой диагностики процесса «направленной социальной эволюции» и, в частности, самих фабрик мысли, предупреждая тем самым трансформацию коэволюции природы и общества в их коинволюцию.

Происходит замещение социального времени не физическим (в чем видел главную угрозу личности А. А. Зиновьев), а «режимом реального времени» в киберпространстве «социальных сетей», блогов и т. п., куда смещается центр общественной (и личной) жизни. Важно отметить, что именно фантастическая образность стала подлинным катализатором развития компьютерной графики, которая является основным средством формирования единой виртуальной среды и одновременно ее интеграции с «первичной реальностью».

В связи с ускорением культурного метаболизма (сокращением периодов «парадигмальной устойчивости») начинается процесс вытеснения письменной культуры визуальной, в котором важную роль играет фантастическая образность как оптимальная форма трансляции абстрактных, то есть предельно содержательных, смыслов, подчас не поддающихся концептуализации другими способами. Особо можно выделить роль фантастических компьютерных игр в создании виртуального мультиверса, включающего в себя наравне с «первичной» реальностью множество виртуальных реальностей «полного погружения» (Р. Курцвейл).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фантастика одновременно выступает и средством созидания новой социальной реальности, и основным способом ее осмысления, новейшей формой социальной онтологии, в предмет которой все шире входит проблематика онтологии вообще (учитывая, в частности, процесс замещения природного бытия «второй природой», умной техникой, в которой опредмечена сложная архитектура социальных отношений).

Во второй главе «**Философская рефлексия рациональных основ фантастики в контексте Философии общего дела**» доказывалось, что подлинное онтологическое и эпистемологическое значение фантастики открывает философия русского космизма, конкретно – Проект общего дела Н. Ф. Федорова.

В первом параграфе «**Взаимодополнительность различных форм рациональности в учении Н. Ф. Федорова**» обосновывается тезис о том, что Философия общего дела (Проект общего дела) Н. Ф. Федорова предполагает именно взаимодополнительность научной и ненаучных форм познания как необходимое условие воспроизводства и реализации конститутив-

ных для любой из них ценностей и целей, а не подавление наукой иных форм рациональности или, напротив, нивелирование научных ценностей в целях решения мировоззренческих проблем.

Анализ современной научно-технической рецепции идей Н.Ф. Федорова позволяет раскрыть параллели между отдельными концепциями Философии общего дела и развитием прикладных аспектов квантовой механики (телепортации и молекулярных нанотехнологий («механосинтеза»)), интерактивного «киберпространства» (мультимедийные энциклопедии, электронные базы данных и т. п. как воплощение науковедческих идей Н. Ф. Федорова) и др. Вместе с тем, учитывая, что Проект общего дела создавался с расчетом на постоянную детализацию в соответствии с развитием науки и техники, следует признать неправомерность возможных упреков в модернизации федоровских идей.

С другой стороны, анализ религиозно-философского подтекста прогностических технаучных идей Философии общего дела показывает, что Н. Ф. Федорова неправомерно обвинять в «безбожном» техницизме. В частности, его учение не имеет никакого отношения к так называемой «теологии катапультируемого кресла», согласно которой трансцендирование трактуется не как экзистенциальное преодоление человеком собственных «границ», а как физическое преодоление границ своей планеты, затем – Солнечной системы и так далее – освоение всё новых миров по мере оскудения старых.

С опорой на богословскую идею транскреации («дополнительного акта творения») нами выявлено, что вопреки устоявшемуся, со времен Г. В. Флоровского, критическому мнению, предотвращение Второго Пришествия – в чем, по сути, заключался Проект общего дела, – не означает отмену в нем Божественного участия. Остается принципиальная возможность того, что часть «отцов» после воскрешения так и не придет в сознание, сохраняя лишь вегетативное существование. В этом случае получает нетривиальное решение проблема соотношения свободы и предопределения: отстаиваемая Н. Ф. Федоровым активность человечества в деле своего спасения и обожения сохраняется, но, вместе с тем, происходит и предсказанный в Апокалипсисе Страшный Суд. Именно Всевышний принимает окончательное решение по каждой конкретной душе – воссоединиться ей со своим обновленным телом для жизни в Новом Иерусалиме (федоровской психократии) или остаться навсегда разьединенной со своей физической «половинкой», а то и вовсе развоплощенной («Ад»). Соучастие Господа в Проекте общего дела подразумевает, что воскрешение остается таинством, то есть не может быть полностью технологизировано, поставлено «на поток».

Таким образом, в отличие от многочисленных религиозно-философских утопий, Философия общего дела не есть этактистский проект, речь в ней не идет о подмене «града небесного» «градом земным», «царства свободы» «царством необходимости». Наука в федоровском Проекте не претендует на роль квазирелигии, ибо, как показано в диссертации, в принципе фальсифицируема. В то же время квазинаучным учение Н. Ф. Федорова тоже названо быть не может, ибо наука включается в его картину мира *составной частью*.

Компаративистский анализ Философии общего дела Н. Ф. Федорова и Космической Философии К. Э. Циолковского позволяет понять разницу между взаимодополнительностью различных форм рациональности (в первом случае) и их сциентистским синтезом (во втором). К. Э. Циолковский осуществил естественнонаучную интерпретацию идеи русских религиозных космистов о всеединстве. Тождественное Вселенной «лучистое человечество» как итог эволюции «сферы разума», по сути, представляет собой единственно возможное (учитывая отрицание К. Э. Циолковским трансцендентного Абсолюта) божество. Следствием такой человекобожнической философии стали попытки К. Э. Циолковского найти обоснование общественной морали в индивидуальном эгоизме (с помощью натурфилософской интерпретации идеи метемпсихоза) и разработка своеобразной *космодицеи*, представляющей собой эрзац христианского учения о всеблагости Божьей. Отношение к природе не как к храму, а как к мастерской, характерное для К. Э. Циолковского в частности и для науки начала «космической эры» в целом, но прямо противоположное федоровскому пафосу, в эпоху глобального экологического кризиса было, фактически, дискредитировано.

Вместе с тем, можно выявить определенную взаимосвязь между призывами К. Э. Циолковского к постепенному уничтожению низших жизненных форм (т. е. вообще всех видов живых организмов кроме человека) и трактовкой Н. Ф. Федоровым животного царства как ненормального состояния живого вещества, обособления его в качестве особых существ (млекопитающих, птиц, рыб и пр.) вместо того, чтобы быть органами человека. Предельное и последовательное выражение идеи трансформации живой и неживой природы в органы богочеловечества равносильно полному замещению биосферы техносферой и загрузку продублированного сознания отдельных людей в информационные сети и всевозможную робототехнику. С другой стороны, это лишь *одна из возможных* интерпретаций Философии общего дела, так как Н. Ф. Федоров, в отличие от К. Э. Циолковского, нигде прямо не призывает к уничтожению животного мира, зато пишет о необходимости его одухотворения.

Во втором параграфе **«Художественная фантастика как развитие Проекта общего дела»** раскрывается взаимосвязь между Философией общего дела и фантастикой как самостоятельным феноменом современной культуры, нередуцируемым к другим формам сознания и деятельности.

Поскольку наиболее адекватной формой для выражения интуитивно усмотренных истин является искусство, то апология «живознания» как альтернативы западному «одностороннему рационализму», фактически привела к противопоставлению в русской философии художественного («экзистенциального») философствования «научному». Таким образом, русские религиозные философы сами оказались в плену «первородного греха» односторонности. Очередной попыткой преодолеть последнюю стал возникший на рубеже XIX–XX вв. «русский космизм», представители которого провозгласили необходимость конвергенции всех форм рациональности, включая науку, мораль, религию, искусство и т. д.

В значительной степени именно с этим связан пафос призыва Н. Ф. Федорова, основоположника русского космизма, к трансформации «птоломеевского искусства» в «коперниканское»: пока в научно-техническом прогрессе будут видеть лишь «Ваала» (Ф. М. Достоевский), а не одно из условий предотвращения его прихода, Конец Света неминуем. Технонаука, зачастую используемая для уничтожения людей и окружающей среды, способна и должна оживлять создаваемые искусством «мертвые подобию». Многие черты такого коперниканского искусства, а также конкретные естественнонаучные и философско-антропологические идеи русского космизма оказались коррелятивными, созвучными тем идеям, мотивам, парадигмам, которые конституировали фантастику в качестве особой социокультурной реальности. Именно Философия общего дела задает подлинную перспективу видения и оценки фантастики в целом как самостоятельного феномена современной культуры, нередуцируемого к другим формам познания и деятельности, будь то различные превращенные формы науки, либо искусства. Так, известно, что способы создания и применения микроманипуляторов, предложенные в программной для нанонауки лекции Р. Фейнмана «Там внизу много места» (1959), были еще в 1931 году предвосхищены советским писателем Б. С. Житковым в фантастическом рассказе «Микроруки», который традиционно (и не вполне справедливо) причислялся к детской литературе. Между тем, прогностическое и научно-инженерное значение данного «фантастического очерка» (по самоопределению автора) могло быть своевременно раскрыто именно в контексте Проекта общего дела, фундированного задачей поатомного восстановления некогда живших людей.

Проект Н. Ф. Федорова задолго до попперовского фаллибилизма и эпистемологического анархизма П. Фейерабенда легитимировал взаимодополнительность науки, искусства и религии как источника самых «сумасшедших» идей. Так, в 1950-е гг. наиболее смелой из космологических концепций, основанных на философии диалектического материализма, была гипотеза Э. В. Ильенкова о дурной бесконечности пересоздания одной и той же Вселенной. Вместе с тем, отталкиваясь от религиозно-философской идеи Н. Ф. Федорова о том, что вместо создания образов упорядоченной Вселенной – храмов, необходимо упорядочить саму Вселенную по образу храма, А. П. Платонов уже в «Потомках Солнца», НФ-рассказе начала 1920-х гг., отстаивал возможность радикальной трансформации Вселенной с помощью технонауки. Характерно также, что «второе дыхание» у советской фантастики, «усохшей» к 1950 гг. до «фантастики ближнего прицела», открылось именно с публикацией «Туманности Андромеды», автор которой сформировался как социальный мыслитель в русле традиции русского космизма, восходящей к учению Н. Ф. Федорова.

Можно утверждать, что никакой анализ и оценка философии русского космизма и, в частности, федоровского учения, не будут полными без осмысления в их контексте творческого наследия писателей-фантастов и эволюции фантастики как культурного феномена, выходящего за рамки только

литературы. С другой стороны, сама наличная действительность во многих своих аспектах обусловлена (предугадана, подсказана, смоделирована) именно виртуальными реальностями фантастики и в силу этого может быть наиболее адекватно осмыслена лишь через раскрытие соответствий, перекличек и взаимовлияний между фантастикой и Философией общего дела (взятой именно как проект, т. е. *не существующей* вне своего осуществления, пересоздания реальности по этому проекту).

В «**Заключении**» подводятся итоги диссертационного исследования и определяются перспективы дальнейшей работы над темой.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. **Коротков Н. В.** Конвергенция различных форм рациональности в Философии общего дела Н. Ф. Федорова [Текст] / Н. В. Коротков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 1(1). – С. 24–29.

2. **Коротков Н. В.** Проект общего дела Н. Ф. Федорова и отечественная художественно-философская фантастика [Текст] / Н. В. Коротков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 2(4). – С. 83–90.

Статьи в сборниках научных трудов и тезисы докладов на научно-практических конференциях:

3. **Коротков Н. В.** Суеверия как маргинальная форма знания [Текст] / Н. В. Коротков // Гуманитарные проблемы современного информационного общества: материалы студенческой научно-теоретической конференции (Киров, ВятГГУ, 5 апреля 2006 г.). Вып. 3. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – С. 26–29.

4. **Коротков Н. В.** Проблема автономности и взаимосвязи науки и морали: современные подходы [Текст] / Н. В. Коротков // Ценности современной науки и образования: материалы международной научно-теоретической конференции: в 2 т. Т. 1. – Киров, ВятГГУ, 2008. – С. 41–45.

5. **Коротков Н. В.** Гносеологическая ценность фантазии и ее объективаций [Текст] / Н. В. Коротков // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Т. 1. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 93.

6. **Коротков Н. В.** Художественная фантазия и современная эпистемология [Текст] / Н. В. Коротков // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна. Материалы всероссийской научно-практической конференции (27–28 марта 2009 г.) – Киров: Кировский филиал Академии ФСИН России, 2009. – С. 237–245.

7. **Коротков Н. В.** Прогноз автоэволюции «сферы разума»: Н. Ф. Федоров vs. К. Э. Циолковский [Текст] / Н. В. Коротков // Философия – Культура – Социум: аспекты взаимодействия: сборник научных материалов студентов и аспирантов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – С. 43–46.

8. **Коротков Н. В.** Постижение человека в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова и отечественной фантастике XX века [Текст] / Н. В. Коротков // Русская литература и философия: постижение человека. Т. 2: материалы всерос. науч. конф., Липецк, 8–10 октября 2009 г. – Липецк: РИЦ-ЛПТУ, 2011. – С. 160–165.

Подписано в печать 20.11.2011 г.

Формат 64х80/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,3.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1901.

Издательство

Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, т. (8332) 673-674